

Література

1. Богданович А. И. Мистические настроения в литературе иностранной и у нас [Электронный ресурс] / Ангел Иванович Богданович. – Режим доступа : http://az.lib.ru/b/bogdanowich_a_i/text_0090oldorfo.shtml
2. Висоцька Н. Містичне як прийом: постмодерні примари Хайгейтського цвинтаря [Текст] / Наталія Висоцька // Поетика містичного: Колективна монографія / Упорядк. О. Червінська. – Чернівці : Чернівецький нац. ун-т, 2011. – С. 209–225.
3. Володихин Д. Домой! : мистическая литература постраспадной эпохи / Д. Володихин // Москва. – 2007. – № 2. – С.178–189.
4. Горбонос О. В. Містичний світ як складова простору художньої літератури: історико-культурологічний аспект / О. В. Горбонос, А. І. Карюхіна // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля : науковий журнал. – Серія «Філологічні науки». – № 1 (9). – Дніпропетровськ, 2015. – С. 6–10.
5. Гребенюк Т. Роман Г. Пагутяк «Уриська готика» в контексті сучасної української літературної містики / Т. Гребенюк // Питання літературознавства : науковий збірник / гол. ред. О. В. Червінська. – Чернівці : Чернівецький нац. ун-т, 2011. – Вип. 83. – 320 с. – С. 106–112.
6. Гурдуз А. І. Міфопоетика «жіночого» містичного любовного роману першого десятиліття ХХІ століття в Україні / А. І. Гурдуз // Науковий вісник Миколаївського державного університету імені В. О. Сухомлинського. Сер. : Філологічні науки. – 2014. – Вип. 4.13. – С. 61–68.
7. Жирмунский В. Немецкий романтизм и современная мистика / В. Жирмунский. – СПб : Новое время, 1914.
8. Йогансен М. Вибрані твори / Майк Йогансен / Передм. Р. Мельникова. – К. : Смолоскип, 2001. – 516 с.: портр. – (Серія «Розстріляне відродження»).
9. Качуровський І. Променисті силуети / І. Качуровський. – К. : Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – 767 с.
10. Літературознавча енциклопедія: У двох томах. Т. 2 / Авт.-уклад. Ю. І. Ковалів. – К. : ВЦ «Академія», 2007. – 624 с. (Енциклопедія ерудита)
11. Назаренко М. Опыт классификации фантастических жанров [Электронный ресурс] / М. Назаренко // Режим доступа: <http://nevmenandr.net/nazarenko/sf.php>
12. Олди Г. Л. Допустим, ты пришелец жукоглазый... [Электронный ресурс] / Генри Лайон Олди. – Режим доступа : http://samlib.ru/d/doroshin_b_a/dopustimty-prisheleczhukoglazjy.shtml
13. Скотт В. О сверхъестественном в литературе и, в частности, о сочинениях Эрнста Теодора Вильгельма Гофмана [Электронный ресурс] / Вальтер Скотт. – Режим доступа : http://lib.ru/PRIKL/SKOTT/scott20_6.txt
14. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. – М. : Искусство, 1991. – 701 с.
15. Суворова Т. О., эта мистика... [Электронный ресурс] / Татьяна Суворова. – Режим доступа : <http://www.rusf.ru/oldie/rec/rec95.htm>
16. Тэйлор Д., Коваленко С. Трезвый взгляд на то, как писать хоррор сегодня // DARKER [Электронный журнал]. – 2012. – №12(21). – Режим доступа: <http://darkermagazine.ru/page/trezvyj-vzgljad-na-to-kakpisat-horror-segodnja>
17. Філоненко С. Масова література в Україні: дискурс / гендер / жанр / Софія Філоненко. – Донецьк : Ландон – ХХІ, 2011. – 432 с.
18. Франко І. Зібрання творів у п'ятдесяти томах. Том 12 : Поетичні переклади та переспіви / Іван Франко / Редактор тому Д. В. Затонський; Упорядкування та коментарі В. І. Шевчука. – К. : Наукова думка, 1978. – 727 с.; іл.
19. Хлебников Г. В. Философская мистика и гностицизм: история и современность: Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. философии. – М., 2009. – 148 с.
20. Червінська О. Ризиковані контури та парадокси містичного / Ольга Червінська // Поетика містичного: Колективна монографія / Упорядк. О. Червінська. – Чернівці : Чернівецький нац. ун-т, 2011. – С. 13–46.
21. Larkin E. Mysticism in Literature [Электронный ресурс] / Larkin Ernest // New Catholic Encyclopedia. – 2003. – P. 214–216. – Режим доступа : <http://carmelnet.org/larkin/larkin049.pdf>
22. Literaturwissenschaftliches Lexikon. Grundbegriffe der Germanistik. Herausgegeben von H. Brunner und R. Moritz / Brunner H., Moritz R. – Berlin : Erich Schmidt Verlag, 1997. – 372 S.
23. Lovecraft H. P. Notes on Writing Weird Fiction [Электронный ресурс] / H. P. Lovecraft. – Режим доступа : <http://www.hplovecraft.com/writings/texts/essays/nwwf.aspx>
24. Spurgeon C. Mysticism in English Literature / Caroline Spurgeon. – Kessinger : Publishing's Rare Reprints, 1997. – 168 p.

УДК 821.111

Ю. А. Жаданов, Т. В. Жаданова

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Национальная академия Национальной гвардии Украины

Феминистская утопическая литература: истоки жанра

Жаданов Ю. А., Жаданова Т. В. Феміністська утопічна література: витоки жанру. У статті розглядаються процеси зародження і розвитку жіночої утопічної літератури. Виділено три основних етапи еволюції жанру. Вивчено перший етап – епоха ХVІІ – ХVІІІ століть. Особливу увагу приділено творчості М. Кері, М. Кавендіш і С. Скотт. Проаналізовано ключові твори названих письменників. Виділено основні жанрові риси нового літературного явища, виявлені відмінності від творів традиційної чоловічої утопії.

Ключові слова: утопічна проблематика, релігійна утопія, образ оповідача, елітарна утопія, утопічний хронотоп, феміноцентрічна утопія.

Жаданов Ю. А., Жаданова Т. В. Феминистская утопическая литература: истоки жанра. В статье рассматриваются процессы зарождения и развития женской утопической литературы. Выделены три основных этапа эволюции жанра. Изучен первый этап – эпоха XVII – XVIII веков. Особое внимание уделено творчеству М. Кэри, М. Кавендиш и С. Скотт. Проанализированы ключевые произведения названных писателей. Выделены основополагающие жанровые черты нового литературного явления, выявлены отличия от произведений традиционной мужской утопии.

Ключевые слова: утопическая проблематика, религиозная утопия, образ повествователя, элитарная утопия, утопический хронотоп, феминистская утопия.

Zhadanov Y. A., Zhadanova T.V. Feminist utopian literature: the origins of the genre. The article deals with the processes of origin and development of female utopian literature. Three main stages of the evolution of the genre are distinguished. The first stage was studied - the era of the XVII - XVIII centuries. Particular attention is paid to Cary, M. Cavendish and S. Scott's works. Their key works have been analyzed. The basic genre features of the new literary phenomenon are distinguished, the revealed differences from the products of the traditional male utopia are revealed.

Key words: utopian problematics, religious utopia, narrator image, elitist utopia, utopian chronotope, femino-centric utopia.

Утопическая литература с момента своего возникновения развивалась, прежде всего, как литература мужского видения основ построения идеального общества. Лишь во II половине XX века мощно заявила о себе так называемая феминистская литература, достижения которой сейчас уже никто не станет оспаривать. Но у современной женской утопической литературы (У. Ле Гуин, Д. Лессинг, М. Этвуд) оказывается более длительная история, незнание которой обедняет наше представление о специфике женского видения совершенного жизнеустройства.

Рассматривая предтечу современной феминистской утопической литературы, можно выделить три основных этапа развития:

1. Женская утопия XVII – XVIII веков – появление первых образцов «немужской» утопической мысли (М. Кэри, М. Кавендиш и С. Скотт).

2. Конец XIX – начало XX в.в. – эпоха качественного прорыва, выведения женской утопии на уровень мировой (Ш. Гилман).

3. Конец 30-х – начало 40-х годов XX века – появление первых феминистских антиутопий (К. Бурдекин, К. Бойе), которые представили два варианта возможного женского решения антиутопической проблематики.

Целью данного исследования является анализ произведений первого этапа развития женской утопической литературы («Новый Иерусалим» («New Jerusalem», 1651) Мэри Кэрри, «Пылающий мир» («Blazing World», 1666) Маргарет Кавендиш и «Тысячелетний зал» («Millenium Hall», 1762) Сары Скотт), выявление основополагающих жанровых черт феминистских романов.

Традиционно утопии создавались высокообразованными мужчинами с университетским образованием (так, например, Т. Мор писал знаменитую «Утопию» как интеллектуальное развлечение для узкого круга друзей). Стиль и содержание женских утопий XVII – XVIII веков отличался в силу того, что их авторы не имели университетского образования и не обладали такой суммой знаний как авторы мужских утопий, а также не желали подражать классической

модели государств, которую образованные мужчины адаптировали для своих политических целей.

Можно проследить определенную эволюцию критического восприятия утопических произведений. Р. Эллиот, рассматривая предысторию утопии / антиутопии, прослеживает ее корни в вакханальных ритуалах [4:45], К. Кумар утверждает, что утопия и антиутопия являются взаимозависимыми [7:25], А. Фокс считает, что «Утопия» Мора служит прототипом обоих жанров [5:110]. Однако все критики сходятся во мнении, что «истинная утопия» является исключительной прерогативой хорошо образованных и политически влиятельных мужчин-авторов.

Материнство было центральным событием жизни женщин и долгом христианских жен, однако данный аспект жизни женщин отсутствовал в ранних утопических текстах. М. Кавендиш, М. Кэри, С. Скотт намеренно не включали сюжеты о материнстве в свои произведения. Отношения в браке и образование детей были периодически повторяющимися темами утопий, написанных мужчинами. Мы можем проследить это в романах Мора, Кампанеллы, Бэкона. Отсутствие материнства, родов и воспитания ребенка в ранних утопических текстах, написанных женщинами, указывает на нежелание романтизировать материнство и сознательное стремление пересмотреть роль женщины в обществе, где ранее учитывались лишь её репродуктивные способности. Женщины в этих произведениях участвуют в нетрадиционных видах деятельности. Они проповедуют, являются писателями, учеными и военными командирами, они организуют коммерческие предприятия, и они делают все это без присмотра мужчин. –

М. Кэри в романе «Новый Иерусалим» активно и методично толкует Писание, применяет свои интерпретации в современной политической ситуации. Писательница выбирает библейские отрывки, чтобы рассказать о кротких и бедных женщинах, интерпретирует своё видение будущего для своей аудитории. Таким образом, экзегеза перестает быть просто толкованием Библии, она

становится отправной точкой в свободном изложении писательницы своих взглядов на самые животрепещущие проблемы ее времени. Роман основан на божественном видении автора и является рациональной критикой существующего социального порядка с утопическими описаниями тысячелетнего царства Христа. Кэри изображает фигуру женщины-пророка и вводит в произведение утопические элементы религиозного дискурса, создав своего рода религиозную утопию. Ее роман написан в форме писем, которые обрамляют основной текст. Кэри толкует Библейские отрывки от первого лица. Метод «пророчеств» Кэри – это внимательное и мотивированное толкование на основе ее собственного понимания языка текста Священного Писания. Иными словами, ее дискурс мужской (активный), а не женский (пассивный).

Особую роль у Кэри играют женские образы. Традиционно женщина воспринималась как зло, в романе Кэри Ева была «обманута змеем», который является представителем мужского пола (змей и Адам несут главную ответственность за падение первой женщины). Использование гендерных местоимений становится тонким моральным индикатором добра и зла: положительные образы сочетаются с женским местоимением «она», отрицательные – с мужским «он».

Равенство являются наиболее важными характеристиками святых в «Новом Иерусалиме»: «не будет голода, притеснений и неприятностей, которые останутся в старом мире» [2:71]. Кэри прогнозирует, что «придет время, когда наступит благоденствие, и не только для мужчин, но и для женщин» [2:238].

Как и большинство утопических произведений мировой литературы, её утопия изначально содержат критику современных условий (обличение запретов на выступления женщин, беспокойство по поводу жизненных условий бедных и т.д.). Идеал Кэри – аграрное государство равноправия и достатка. Продуктивность и успешность её физического мира связана с моральными и духовными ценностями царства, которым теперь управляют святые. Святые, в представлении автора, это женщины – кроткие, бедные и слабые. Слабость становится определяющей характеристикой тех, кто будет позже пожинать плоды силы Господа. Индивидуальные слабости превратятся в политическую и военную силу, необходимую для исполнения воли Божьей. В контексте произведения Кэри её представление о себе как о слабой женщине понимается как источник ее власти и силы.

Маргарет Кавендиш, герцогиня Ньюкасл, пишет свою утопию в радикально ином социальном и политическом положении, чем Мэри Кэри. В XVII веке аристократка Кавендиш является аномалией среди своих сверстников. Она написала и опубликовала большое количество работ,

экспериментировала с жанрами, создала свою моду, разработала свою собственную теорию натурфилософии. В отличие от «Нового Иерусалима» Кэри, утопия Кавендиш поддерживает монархию и иерархию классов, доступна только для талантливых, аристократических, привилегированных, богатых женщин, т.е. утопизм Кавендиш вне досягаемости большинства женщин.

«Пылающий мир» Маргарет Кавендиш состоит из двух частей (морская традиция двучастности повествования): за философскими взглядами следует вымышленная картина Пылающего мира. Писательница, желая представить оригинальное видение лучшего общества, ставит себя на позиции социального критика, моралиста, интеллектуального авторитета, социального инженера, религиозного эксперта и политического теоретика.

Перед женщинами, авторами утопического жанра XVII в., стоит еще одна серьезная проблема: надо предпринять путешествие в утопию, потому что это «хорошее место», которого не существует в известных регионах земного шара. Гулливер Свифта и Гитлодей Мора являются героями-мужчинами, и они могут «себе позволить» такое путешествие, но женщина (самостоятельно) не имела возможности совершить кругосветное путешествие. В отличие от добровольного путешествия в мужских утопиях, главная героиня произведения Кавендиш похищена и доставлена на Северный полюс, где местный император влюбляется в нее и дает ей абсолютную власть над своим Царством – Пылающим миром, сам же удаляется на покой. Автор-женщина уничтожает мужское присутствие (и фигурально, и буквально: все похитители-мужчины гибнут от холода (дама остается жива, согретая светом своей красоты); муж-император самоустранился). И это становится общей особенностью всех будущих женских утопий.

После того, как героиня Кавендиш становится императрицей, она тут же начинает заниматься вопросами управления и обустройства государством (обязательный пункт в произведениях утопического жанра). Ее первой заботой становятся проблемы обучения и образования. Она организует граждан по профессиям и основывает общество, которое имеет сходство с королевским обществом Англии. Оценивая природные способности женщин, Кавендиш косвенно говорит о необходимости образования, которое должно быть предоставлено женщинам

Образ Императрицы является примером женщины-правителя, которая принимает активное участие в планировании всех сфер жизни королевства. Несмотря на свои достижения и эффективные качества лидера, императрица решает вернуть Пылающий мир в прежнее состояние, под

предлогом, что «он был вполне упорядоченным», а лучшей формой правления следует признать «одно суверенное государство, одну религию, один закон и один язык, так что весь мир может быть одной семьей» [3:270].

В отличие от большинства утопий, которые являются описаниями идеальных обществ, включающих оба пола, роман «Тысячелетний зал» («Millenium Hall», 1762) Сары Скотт имеет ярко выраженную феминистичность: автор описывает поместья, управляемые женщинами, обеспечивающие экономическую независимость женщин, угнетаемых в браке.

Особенностью повествовательной структуры романа являются вставки, в которых основатели поместий рассказывают истории несчастливых браков (отношений) с мужчинами (это было предлогом построить Миллениум Холл в качестве убежища для себя и других женщин, контролируемых и угнетаемых мужчинами). В романе Скотт звучит мысль о том, что экономическая зависимость женщин и неспособность обеспечить себя всем необходимым для жизни, является причиной их страданий. Утопический проект Скотт иллюстрирует и предоставляет средства решения этих проблем.

На роль рассказчика-повествователя, как ни странно, Скотт выбирает мужчину, что даёт ей возможность в рамках существующего мужского дискурса и общественного уклада продвигать проблемы, связанные с образованием женщин и реформой брака. Скотт использует мужчину-рассказчика с его обычными кодами нравственности, что обуславливает приемлемость произведения в рамках существующей социальной структуры и даёт возможность автору подвергать критике систему, представителем которой является её герой-повествователь – «путешествующий джентльмен» сэр Джордж. Он отправляется в Миллениум Холл по рекомендации врача с целью «вылечить негативные последствия [его] долгого пребывания в жарком и нездоровом климате Ямайки», где он «увеличил своё состояние» [8:54–55]. Тяжеловесно мужская модель поведения рассказчика оспаривается женщинами, а его интерпретации сцен и событий вступают в конфликт с представлениями женского населения. Скотт создает мужчину-рассказчика, а затем нивелирует его авторитет и ценности.

Для Скотт Миллениум Холл – это не невероятный Эдем, а модель рабочих поместий, созданных трудом женщин и их слуг для удовлетворения своих материальных потребностей. (художественная модель поместья выросла из реальной жизненной практики писательницы, руководившей подобной коммуной). Скотт расширяет границы женской деятельности, освещает проблемы женщин в патриархальной системе, и бросает вызов этой системе, которая рассматривает женщин как товар, и выступает за проведение реформ внутри репрессивной системы.

Таким образом, утопический проект Скотт выходит за рамки вымышленных сюжетов, критики современной культуры и предлагает практические реформы изнутри. Подразумевается, что если мужчины не хотят принять необходимые реформы (т.е. отказаться от контроля женских тел и судеб), то женщинам придется создать сепаратистские сообщества, в которых они будут жить и работать.

Подводя итог краткого анализа женских утопических романов XVII – XVIII веков, необходимо отметить следующее:

1. Произведения М. Кэри, М. Кавендиш и С. Скотт представляют собой специфический (женский) вариант утопической литературы, который во многом отходит от традиционного образца жанра позитивной утопии, сложившегося к этому времени в мировой литературе (Платон, Мор, Кампанелла, Бэкон).

2. Не смотря на это, достижения феминистской утопии этого периода нельзя сбрасывать со счетов, т.к. они представляют: во-первых, мечты и чаяния женской читательской и писательской аудитории того времени; во-вторых, создают фундамент последующего феминистского утопического и антиутопического романа.

3. По нашему мнению, утопические женские романы XVII – XVIII в.в. следует выделить в отдельный поджанр позитивной утопии.

4. Проанализированные произведения представили значительное расширение утопической проблематики (и уже одно это даёт им право на полноценное существование в мире утопии): резкая критика патриархального общества; отказ от материнства как осознанное противопоставление канонам мужской утопии; пересмотр отношения в обществе к проблеме брака, социальной свободы женщин, роли женщин в обществе.

5. Каждая из женщин-писательниц в повествовании акцентирует внимание на важнейших для них утопических аспектах новых миров: М. Кэри создает *религиозную утопию* путем введения в произведение утопических элементов религиозного дискурса, созданием образа женщины-пророка, утопическим описанием тысячелетнего царства Христа; М. Кавендиш генерирует *элитарную утопию* с женщиной-правителем, женщиной-аристократкой, женщиной-писательницей, женщиной-ученой во главе, имеющей познания во всех сферах жизни; С. Скотт рисует *феминистскую утопию*, отражающую экономическую и социальную независимость женщин.

6. Женские утопии внесли свой вклад в развитие поэтологических особенностей жанра: 1) введением новых образчиков повествователя: женщины-пророка с чертами мужского стиля (М. Кэри), дамы из высшего света (М. Кавендиш), намеренно дискуссионного образа мужчины-повествователя, не приемлющего феминистский мир (С. Скотт); 2) созданием специфического

хронотопа в виде тисячелетного царства Христа в Новом Іерусалиме (М. Кэри); ідеального государства на Северном полюсе (М. Кавендиш); совершенного мира «здесь и сейчас» или утопии внутри старого мира (С. Скотт); 3) намеренно обязательным отсутствием или минимизацией мужского начала в повествованиях; 4) экспериментальным характером форми

повествования: форма пророческого предсказания с опорой на Священное Писание (М. Кэри); форма вольной фантазии о возможном путешествии в лучшие миры (М. Кавендиш); форма путевых записок со вставными историями (С. Скотт).

В последующие планы автора статьи входит изучение последующих этапов развития феминистской утопической литературы.

Литература

1. Brown S. Margaret Cavendish : Strategies Rhetorical And Philosophical Against the Charge of Wantonness, Or Her Excuses for Writing so Much / Sylvia Brown // Critical Matrix. – 1991. – № 6. – P. 20–45.
2. Cary M. A New and More Exact Mappe or Description of New Jerusalems Glory When Jesus Christ and his Saints with Him Shall Reign on Earth a Thousand Years, and Possess all – Kingdoms / Mary Cary. – L., 1651. – 279 p.
3. Cavendish M. The Blazing World and Other Writings / Margaret Cavendish ; [ed. Kate Lilley]. – London : Penguin, 1992. – 272 p.
4. Elliott R. The Shape of Utopia: Studies in a Literary Genre / Robert Elliott. – Chicago : U of Chicago P, 1970. – 170 p.
5. Fox A. Utopia : An elusive vision / A. Fox . – N. Y. : Twayne, etc., 1993. – XVI, 128 p.
6. Kelly G. Introduction / Gary Kelly // Scott S. A Description of Millenium Hall. – Peterborough, Ont. : Broadview, 1995. – P. 11–46.
7. Kumar K. Utopia and Anti-utopia in Modern Times / Krishan Kumar. – Oxford; New York: Blackwell, 1987. – 506 p.
8. Scott S. A Description of Millenium Hall (1762) / Sarah Scott ; [ed. and intro. Gary Kelly]. – Peterborough, Ont : Broadview, 1995.

УДК 821.161.2 – 3 Петров

В. І. Зубань

м. Харків

«Болотяна Лукроза» В. Петрова-Домонтовича: особливості метатексту

Зубань В. І. «Болотяна Лукроза» В. Петрова-Домонтовича: особливості метатексту. У статті розглядаються особливості критичного дискурсу «Болотяної Лукрози» (1947–1948) В. Домонтовича у вертикальному контексті видрукованих 1947-го року «Спогадів про неокласиків» Ю. Клена (О. Бурггардта) на етапі становлення індивідуально-авторської концепції українського неокласицизму 20-х років ХХ ст.: від витоків та передумов постання нового явища модернізму, його пізнавально-етичного значення для української дійсності до випинання суб'єктивного досвіду й самопредставлення автора як неокласика.

Ключові слова: український неокласицизм, метатекстуальність, вертикальний контекст, суб'єктивний досвід, сповідальна рефлексія, матеріал пам'яті, естетична реальність.

Зубань В. І. «Болотяная Лукроза» В. Петрова-Домонтовича: особенности метатекста. В вертикальном контексте спровоцировавших полемику «Воспоминаний о неоклассиках» Ю. Клена (1947) рассматриваются особенности критического дискурса в «Болотяной Лукрозе» (1947–1948) В. Петрова-Домонтовича на этапе восстановления индивидуально-авторской концепции украинского неоклассицизма 20-х годов ХХ века: от источников и предпосылок нового явления модернизма, его познавательно-этического значения для украинской действительности до выпячивания субъективного опыта и самопредставления автора как неоклассика.

Ключевые слова: украинский неоклассицизм, метатекстуальность, вертикальный контекст, субъективный опыт, исповедческая рефлексия, материал памяти, эстетическая реальность.

Zuban V. I. “Bolot’ana Lucroza” by V. Petrov-Domontovych: peculiarities of metatext. The purpose of this research is to present peculiarities of critical discourse V. Domontovych’s “Bolot’ana Lucroza” (1947–1948) in vertical context publishing on 1947 “Memoirs about neoclassics” by Y. Klen (O. Burghardt) on stage statement of individual-author’s conception Ukrainian neoclassicism on 1920s: from sources and premises appearance new phenomenon of modernism, its cognition-ethical meaning for Ukrainian reality to produce subjective experienced and author’s self-affirmative as neoclassic.

Key words: Ukrainian neoclassicism, metatextuality, vertical context, subjective experienced, confession reflection, material of memory, aesthetic reality.

«Болотяна Лукроза» писалася у відповідь на опубліковані у Мюнхені 1947 року «Спогади про неокласиків» Ю. Клена (О. Бурггардта) [8], пройшовши, за спогадами Л. Окіншевича [12:422], двадцять авторських редакцій, й одразу закріпилася в еміграційному літературознавстві із

шерехівським визначенням «перлини української мемуаристики» [21:424]. Уперше видрукована в журнальному варіанті в мюнхенській україномовній періодиці у 1947–1948 роках [4], вона кілька раз передруковувалася фрагментами у формі спогадів про Київський університет [16] та спогадів про М. Зерова [19] і повністю [6; 7]. Маючи одним зі своїх претекстів авторську статтю